

ЕКАТЕРИНА ГЕЛЬЦЕР

Е. В. ГЕЛЬЦЕР.

«Великая четверка» — так говорили в начале века о звездах русского театра — Шалляне, Неждановой, Собинове, Гельцер. К началу шестидесятых годов из «великой четверки» осталась в живых только всемирно известная балерина, создательница классических образов Одетты—Одиллии, Царь-девицы, Авроры, Раймонды, Саламбо, а в советское время — Эсмеральды и Тао Хоа, первая из балерин получившая звание народной артистки республики Екатерина Васильевна Гельцер.

Мне, журналисту-театроведу, мечталось встретиться с нею. Но это оказалось делом чрезвычайно трудным — балерина вела замкнутый образ жизни, почти никого не принимала. Даже когда к ней прибыла делегация труппы французского балета, Екатерина Васильевна извинилась и вежливо отказалась от встречи — не хотела, чтобы видели ее старой...

Прямые «атаки» с моей стороны не увенчались успехом, тогда я обратился к бывшей актрисе Большого театра А. С. Моховой (Кузнецовой), а та — к своей приятельнице, балерине Л. М. Банк...

Наконец Екатерина Васильевна согласилась меня принять. Трижды назначала свидание, но всякий раз под разными предлогами оно откладывалось. Наконец 17 февраля 1960 года дверь на четвертом этаже дома по Брюсовскому переулку (ныне ул. Неждановой) открылась передо мной...

Хозяйка сидела за большим столом в красно-золотом китайском халате, аккуратно причесанные серебряные волосы были закреплены большим косяным гребнем. На стенах висели картины Левитана, Коровина и других великих русских художников...

Первое впечатление: удивительно хорошо сохранилась великая балерина — на лице ни

морщинки, говорок типично московский, переходящий в легкий басок. Но слышала и видела Екатерина Васильевна плохо, мне иногда приходилось повторять вопросы и отдельные слова. Так состоялось знакомство. С тех пор я стал частым посетителем квартиры Гельцер. Все, что рассказывала мне Екатерина Васильевна, я, вернувшись домой, тотчас же тщательно записывала. О чем только она не вспоминала — о гастрольях в Европе и Америке, о своих встречах с самыми разными людьми — с Левитаном и Коровиным, с Сальвиани и Альбертом Эйнштейном, с Южиним-Сумбатовым и Мейерхольдом, с Луначарским...

Когда отмечалось 85-летие Е. В. Гельцер, меня включили в состав юбилейной комиссии.

15 ноября 1961 года на квартире Екатерины Васильевны состоялся торжественный вечер. Кто тут только не побывал! Е. Д. Турчанинова и М. Т. Семенова, Ю. Ф. Файер и Ц. Л. Мансурова, Ф. Г. Раневская и Н. М. Дудинская, Л. М. Коренева и О. В. Лепешинская, О. Н. Андровская... До поздней ночи шли люди с адресами и подарками, и даже с песнями, как это сделали тогда Рада и Николай Волганиновы.

Екатерина Васильевна очень любила шутки. Однажды друзья долго уговаривали ее поехать на дачу, но артистка все упрямилась: «Как же я сойду вниз с четвертого этажа?» «Я вас на руках отнесу, Екатерина Васильевна!» — сказал я ей как-то. «Ну уж на руках. Силенок-то хватит?» — «Отнесу, увидите. А потом очерк напишу под названием «Последний кавалер Гельцер». Ей это очень понравилось...

Из своих записей бесед с Е. В. Гельцер я хочу привести две — о том, как Гельцер решила стать балериной, и о ее творческой деятельности после Великого Октября.

«не бросит своих большевиков», Е. В. Гельцер сделала сознательный выбор — остаться со своим народом, — и ничто не могло поколебать ее решения.

Оживленно, темпераментно говорит Екатерина Васильевна о первых годах после Октября. За театральными кулисами то и дело шли разговоры: «А как быть с оперой, балетом — поймают ли, оценят?» В эти незабываемые дни Е. В. Гельцер выступала очень много, в трудных условиях: в Большом театре было холодно, гуляла сквозняки. По словам балерины, она в Москве выступала на многих фабриках и заводах. Причем в большинстве случаев безвозмездно, в порядке шефства. Несколькими раз ей посчастливилось видеть близко Владимира Ильича Ленина. Я прошу актрису рассказать об этом подробнее.

— Воспоминания о первых годах революции, — начинает она, — неотделимы для меня от образа Ленина. Его имя с надеждой и любовью произносили везде и всюду тысячи людей.

Мне посчастливилось тогда много работать, вести почти весь репертуар Большого театра, ведь многие наши артисты уехали за границу. Помимо спектаклей в театре, все свободное время было заполнено концертами. Владимир Ильич тогда часто выступал перед рабочими в Доме Союзов, на московских фабриках и заводах, а после заседаний обычно бывали концерты.

Я много раз видела Владимира Ильича среди зрителей, и было так радостно чувствовать его всепонимающий взгляд. Однажды в артистической комнате Дома Союзов Анатолий Васильевич Луначарский подвел меня к Владимиру Ильичу и сказал ему, как много я работаю, и что он, Луначарский, спокоен за русский балет. Нарком не умолчал и о моих сомнениях — понятен ли классический балет новому зрителю. Владимир Ильич, улыбувшись, ответил, что рабочий зритель, может быть, еще недостаточно разбирается в тонкостях балетного танца, но настоящим, подлинным искусством всегда понятно народу.

Слова Ленина я запомнила на всю жизнь.

В то время почти ежедневно мне звонили из различных организаций и просили принять участие в концертах. Я спрашивала, какой танец они хотят увидеть. Почти всегда мне отвечали: «Тот номер, где вы танцуете один после другого», — то есть па-де-де из балета «Дон Кихот», который я танцевала с В. А. Тихомировым. Я была счастлива, что новый зритель понимает классический танец и мое искусство доставляет радость.

Екатерина Васильевна с удовольствием вспоминает гастроль по Советскому Союзу. Где бале-

рина только не бывала! Проехала всю Сибирь, выступала в Средней Азии, на Урале, в Крыму, на Кавказе, в приволжских городах, в промышленных районах: в Иваново-Вознесенске, на Коломенском машиностроительном заводе, в Донбассе, на Днепрострое...

Какая же была у артистки воля и сколь велико желание показать свое искусство, если, имея за плечами почти 60 лет, она в 1935 году дала согласие войти в концертную бригаду по обслуживанию ударных строев! Она объехала за несколько месяцев семь железных дорог, была единственной из тех, кто принял участие во всех 170 концертах.

Страсть ездить по России, показывать свое искусство в «медвежьих углах» — это в крови у Екатерины Васильевны. Ведь еще до революции буржуазные рецензенты ставили ей в упрек то, что она едет в российские города, в то время как другие балерины устремляются на гастроль в Лондон, Париж, Мадрид. Известный фельетонист Влас Дорошевич иронизировал по этому поводу: «Госпожа Гельцер едет в Екатеринбург, Екатеринбург. Очень патристично! И скромно до преступления против себя, своей славы, против своего таланта».

Екатерина Васильевна участвовала в постановке на сцене Большого театра первого советского балета «Красный мак». Его автор — Р. М. Глиэр посвятил свой труд Гельцер. Особенно много рассказывала артистка об этом знаменитом балете.

— То, что я бывала в Китае, — подчеркивала Гельцер, — мне во многом помогло при создании образа Тао Хоа. Даже мелочи. Возьмите ее жесты. Они сдержанны: мелкие, точно скелетные. Это я видела у китайцев. Смотрите, как они держат веер!

Слегка опустив плечи, Екатерина Васильевна скупым движением прижимает к груди обрабатываемый веер. Я вспомнил невольное замечание критика: «Такие единственные, мыслящие руки были только у одной Элеоноры Дузе».

— Но все это детали, хотя и необходимые, — продолжала балерина, — главное состояло в том, чтобы создать образ героической дочери Китая, которая умирает за идею, за свой народ. Таких образов тогда в балете не было. Китайки большей частью изображались экстравагантными гейшами или таинственными, неземными существами...

Незадолго до 1941 года Екатерина Васильевна покинула сцену, но, как только началась Великая Отечественная война, актриса вновь появилась на подмостках клубов, в Домах Красной Армии. Всего за грозное военное время она выступила более ста раз.

Е. В. Гельцер была и большим общественным деятелем, интересным собеседником. Все, кто с ней встречался, отмечали ее природный ум, общительность, любовь к своему искусству.

В дни, когда мы встречались, Екатерина Васильевна видела по телевизору гастроль в СССР французского балета. Очень ей понравились балерины Лиян Дейде и Иветт Шовире.

— Балет французский, а школа, чувствуется, русская, — сказала, улыбаясь, Гельцер. — Мы такие постановки еще до революции ставили. Мне говорили, что французских балерин обучал в Париже русский балетмейстер. Это похоже на правду...

Смотрел я на Екатерину Васильевну Гельцер и думал: как она любит жизнь, как молода сердцем! И невольно вспоминал старинное изречение: «Балерины имеют одну неповторимую особенность — они вечно остаются молодыми».

Валентин ВИРЕН

На сцене Большого театра я выступила первый раз в вагнеровской опере «Лоэнгрин». Изображала пажа — держала щит и меч рыцаря Грааля. Я очень была горда и думала, что все зрители только на меня и смотрят. Потом я была занята во французской феерии «Волшебные пилюли». Мы, дети, изображали лото-домино. Помню, у меня были номера «1» и «2». А в балете «Дон Кихот» мы, воспитанники училища, выступали в роли тореадоров. Я удачно размахивала плащом, и меня даже похвалил за это дирижер Альбани. Он сказал, что из меня «выйдет толк».

Спектакль за спектаклем, но все статисткой и статисткой. Мне это надоело. Я капризно спросила отца:

— Когда же я буду наконец настоящей танцовщицей?

— Научись сначала ходить и держаться на сцене, — ответил он. — Наступит твой час, начнешь и танцевать...

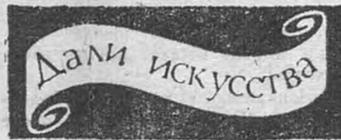
И все же на время я «разочаровалась» в балете и решила сделать драматической актрисой. Все тогда говорили о необыкновенном таланте Сары Бернар, Элеоноры Дузе, Марии Николаевны Ермоловой. Это подогревало меня, и я стала готовиться к новому поприщу.

Ночью я надевала простыню вместо римской тоги и крахмальное полотенце вместо жабо, взбивала на лбу волосы «ляля Бернар» и, размахивая руками, декламировала стихи. А на следующий день, ставив у няни шетку, я накручивала на нее платок — и знамя готово! Надев бумажный шлем, я выкрикивала стихи из «Орлеанской девы», подражая грудному ермоловскому голосу.

Когда я «становилась» Дузе, то надевала халат, распускала по плечам волосы, садилась в кресло и умирающим натруженным голосом произносила монолог из последнего акта «Дамы с камелиями».

Вскоре мои ночные бдения отцу надоели, и он поставил вопрос прямо: будешь ли учиться балету? На что я решительно ответила: «балетницей-плясуньей» я не хочу быть...

Отец хотел отозвать меня из балетного училища, но здесь судьбу мою решил приехавший в Москву испанский балетмей-

стер Мендес. По просьбе отца он посмотрел мои танцы и горячо, темпераментно заявил, что я «очень способна».

Мендес дал мне несколько уроков по принципам неизвестной мне тогда итальянской школы, которой были присущи сила, стремительность, точность и четкость.

На выпускном экзамене я свободно кружилась во всех направлениях, проделывая всевозможные пируэты, и получила пять с плюсом. Меня выпустили из школы, подарили сочинения А. С. Пушкина, сто рублей и зачислили в балетную труппу Большого театра. Так я стала «взрослой» артисткой...

II

Когда произошла Великая Октябрьская социалистическая революция, многие премьеры «императорского» балета эмигрировали. Самая видная балерина, «звезда русского балета» Гельцер осталась на родине и отдала свое искусство новому, рабоче-крестьянскому зрителю. Контрреволюционеры не могли простить актрисе этого шага, они писали анонимные письма с угрозой убить ее, если она

— Разрешите мне произнести тост, — начала Е. Д. Турчанинова, — за человека, которого никто из гостей и не видел, а я его хорошо знала. Тост за отца нашей юбилярши, за прекрасного танцора Василия Федоровича Гельцера!

На снимке (слева направо): Е. Д. ТУРЧАНИНОВА, В. Н. ВИРЕН и Е. В. ГЕЛЬЦЕР.

Фото В. ГЖЕЛЬСКОГО (Публикуется впервые)

Е. В. ГЕЛЬЦЕР в балете «Наяда и рыбак».

— Вы, конечно, слышали, что родилась я в семье Василия Федоровича Гельцера, — начала нашу беседу Екатерина Васильевна, удобно располагаясь в кресле, — известного балетного мимического актера. И, конечно, в доме только и было разговоров, что о «фуэте», «тур де форсе», «арабесках» и «двойных пируэтах».

Помню, часто называли у нас фамилию балерины Гейтен. С участием этой популярной тогда актрисы я и увидела первый в жизни балет.

Саму Лидию Николаевну Гейтен, как это ни странно, я почему-то совсем не запомнила, хотя она исполняла главную роль. Познакомились мы с ней гораздо позднее. Зато неотразимое впечатление на меня произвела маленькая воспитанница театрального училища Иванова. Одета она была грациозно: желтенькое платьице с золотыми крылышками — изображала пчелку.

Вот тогда у меня впервые вспыхнуло страстное желание стать балериной. По моей просьбе няня сшила мне пачки из розовой и голубой бумаги — тайком от родных я танцевала перед зеркалом, подражая девочке Ивановой.

Я умоляла отца отдать меня в театральное училище. Он долго упрямился, а потом махнул рукой: «Пусть будет так».